

Лидия Чарская

Некрасивая

Лидия Чарская

Некрасивая

«Public Domain»

1911

Чарская Л. А.

Некрасивая / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1911

Некрасивая, необщительная и скромная Лиза из тихой и почти семейной атмосферы пансиона, где все привыкли и к ее виду и к нраву попадает в совсем новую, непривычную среду, новенькой в средние классы института. Не знающая институтских обычаев, принципиально-честная, болезненно-скромная Лиза никак не может поладить с классом. Каждая ее попытка что-то сделать ухудшает ситуацию...

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	11
Глава IV	17
Глава V	19
Глава VI	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лидия Алексеевна Чарская

Некрасивая

Глава I

Неожиданная новость

– Ло, дитя мое, я должна побеседовать с вами.

Бабушка постоянно говорит мне «вы» и называет меня Ло, хотя зовут меня просто Елизаветой и я представляю из себя маленькую четырнадцатилетнюю особу, занимающую скромное место на скамье среднего отделения пансиона madame Рабе.

Бабушка любит говорить «вы» всем без исключения, и называть людей и все живущее и мыслящее коротенькими, односложными именами. Так компаньонку свою Зинаиду Петровну бабушка называет Зи, комнатную болонку Нитуш – Ни, а меня, ее сироту-внучку, дочь ее давно умершего любимца-сына – Ло, как уже сказано выше.

При первом же звуке хорошо знакомого голоса, я вздрогнула и покраснела: это случалось со мной постоянно, когда бабушка приглашала меня «побеседовать» с ней. Как ни стыдно сознаться в этом, но я должна сказать, что не люблю матери моего отца, даже больше того, боюсь ее.

На меня самым подавляющим образом действует ее высокая, еще очень стройная фигура, всегда одинаково стянутая в серое шелковое платье гладкого строгого фасона, ее красивое тонкое лицо, без малейшей улыбки под высоко и искусно зачесанными седыми волосами, ее серые, ясные, холодные глаза, которые, как кажется, видят насквозь всю вашу душу. Ее голос всегда так ровен и спокоен, ее движения плавны и рассчитаны, все в ней так прекрасно, сдержанно и полно достоинства, достоинства королевы, снисходительно относящейся к своим подданным. И вот это-то самое великолепное снисхождение к другим, которым веет от всего существования бабушки, это-то главным образом и подавляет меня. О, какой маленькой, безобразной и ничтожной кажусь я сама в сравнении с ней! Я уже заранее знаю, что стоит мне подойти к бабушке, как серые холодные глаза ее в один миг оглядят меня с головы до ног, до малейшей подробности и наверное отыщут, что-либо некорректное, в моей внешности или в моем костюме. И хотя я не слышала от моей бабушки еще никогда ни одного резкого слова за все время моего пребывания у нее в доме, не говоря уже о том, что она ни разу не наказала меня, не поставила в угол, не оставила без сладкого за обедом, я предпочла бы получить какое угодно наказание или выговор в самой резкой форме, нежели чувствовать на себе этот пронизывающий ледяным холодом бабушкин взгляд. И сейчас, услыша ее призыв, я машинально провела рукой по волосам и кинула мельком быстрый, трепетный взгляд в зеркало, прежде нежели войти в нашу синюю гостиную, где в обществе Зи и Ни бабушка проводит за вязанием шелкового филе¹, большую часть своего времени. Услужливое стекло тотчас же отразило мою нескладную, высокую, угловатую фигуру с выдающимися лопатками и сутуловатой спиной (о, эта сутуловатая спина, испортившая, должно быть, не мало крови моей бабушке!) мое изжелта-бледное лицо с черными тусклыми глазами, всегда одинаково печальными и унылыми, и мой безобразно толстый нос и припухлые, как у негритянки губы, и черные же косы до пояса, густые и блестящие, единственное богатство всей моей некрасивой, почти отталкивающей особы.

¹ Филе (здесь) – техника вязания кружев.

Вот она я – Ло, «une petite nègresse»², как прозвала меня одна из светских приятельниц моей бабушки, когда я была еще совсем маленькой, четырехлетней девчуркой. Я помню отлично, как та же приятельница, чтобы смягчить хоть отчасти свой приговор, добавила тогда же, не замечая моего присутствия в комнате:

– Не могу себе представить, ma chère Lise³, как мог быть у вашего сына, красавца Арсения, такой ужасно некрасивый ребенок! Впрочем, надо надеяться, что Ло похорошеет с годами.

На что, я помню это отлично, бабушка, не заметив в свою очередь меня, отвечала своим ровным, никогда не знающим никакого трепета, голосом:

– Что делать, chère Marie!⁴ Это – судьба! Будем надеяться, что ребенок окажется мягким, приветливым и веселым, по крайней мере!

Увы! Я не оказалась ни мягким, ни приветливым и ни веселым, о, отнюдь, ни веселым существом! И это тоже судьба! Она создала меня печальной и унылой дурнушкой и я не виновата в этом.

Но прочь, однако, все мои воспоминания и размышления: они неуместны сейчас, милая Ло! Ступайте же к вашей бабушке, чтобы услышать то, о чем она собирается беседовать с вами.

И еще раз пригладив наскоро мои мягкие как лен, волнистые волосы, я поспешила в синюю гостиную...

Бабушка сидела там на своем обычном месте, в глубоком удобном кресле, выправив свою и без того слишком прямую фигуру и вязала неизбежное филе. На кресле рядом с ней безмятежно дремала белая, как большой пушистый комок ваты, болонка, а Зи находилась против бабушки, на мягком пуфе, худая, длинная, с желтым морщинистым лицом, с зеленоватыми, беспокойными, бегающими постоянно глазами и со сладкой улыбочкой на тонких губах.

Зи читала вслух что-то из крошечного томика, по-французски. Когда я вошла, чтение прекратилось разом. Бабушка вскинула на меня глазами и подробно осмотрев меня, по своему обыкновению, проговорила спокойным и ровным, как всегда голосом.

– Ло, милая моя, вас ожидает в самом недалеком будущем крупная перемена. Садитесь сюда и слушайте внимательно, что я вам буду говорить.

Я исполнила ее приказание, опустила на ближайший к ее креслу стул и, сложив руки на коленях, приготовилась слушать.

Новая пауза и новый взгляд со стороны бабушки, еще более испытующий и пронизательный, нежели первый. Затем легкий, едва слышный вздох и она заговорила, перебирая крючком тонкое вязанье:

– Милая Ло. Мои дела складываются сейчас самым непредвиденным образом. Мое здоровье ухудшилось за последнее время и врачи советуют мне ради восстановления сил провести этот год за границей. Я должна буду уехать туда в непродолжительном времени. Оставить вас одну, даже на руках такого верного, испытанного человека, как уважаемая Зи, я не могу, слишком большая ответственность ляжет на мою и на ее душу, а потому я решила перевести вас из пансиона madame Рабе в закрытое учебное заведение, то есть в институт, где вы и окончите оставшиеся вам три года вашего ученья.

Этой совсем уже неожиданной для меня фразой и закончилась плавная, прекрасно обдуманная речь бабушки. Ее серые глаза, оторвавшиеся было от работы, снова вернулись к ней и я могла вздохнуть свободно, не чувствуя больше на себе их пронизательного взгляда, казалось видевшего меня насквозь.

Институт!

² Маленькая негретянка.

³ Моя дорогая Лиза.

⁴ Дорогая Мария!

Так вот оно что! Так вот о чем понадобилось беседовать со мной бабушке! Институт! Новая непредвиденная мной жизнь, новые люди, новые места! Прощай, милая знакомая обстановка пансиона, прощайте славные, добрые товарки-девочки! Мало кто понимал меня там, но те немногие, успевшие узнать сложную, угрюмую, одинокую душу дурнушки Ло, те все-таки любили меня хоть самую малость. А те незнакомые, чужие мне девочки-институтки, будут ли они также добры и снисходительны ко мне! И что ждет меня там, в новой обстановке, в серых, угрюмых стенах закрытого, строгого учебного заведения, Бог знает.

Вся охваченная моими мыслями, я, как сквозь сон слышала продолжение плавной речи бабушки, все еще относившейся к моей особе.

– Я уже подала прошение, Ло, о зачислении вас в N-ский институт. Там есть свободная вакансия в третьем классе. И лишь только придет бумага, я отвезу вас туда. Вы так недурно учились в пансионе, что наверное выдержите экзамены и по институтской программе. Во всяком случае, я не уеду за границу до тех пор, пока вы не привыкнете немного к новой для вас обстановке. Умейте ценить это, дорогая моя.

– О, я ценю это, бабушка! – нашла я в себе силы ответить и смущенно покраснела до корней волос.

– Наш разговор окончен. Вы можете идти, Ло, готовить ваши уроки, – милостиво кивнув мне головой, произнесла бабушка.

Я поспешно встала со своего места, поцеловала ее руку и направилась уже было к двери, как неожиданно ее голос остановил меня снова.

– Я надеюсь, Ло, – проговорил этот голос, отчеканивая по своему обыкновению каждый слог каждого слова, – я надеюсь, что вами останутся довольны и в институте, как были довольны в пансионе madame Рабе, – вы позаботитесь об этом, не правда ли? И потом ни на минуту вы не должны забывать вашего происхождения, Ло, вы – графиня Елизавета Гродская, дочь вашего отца и моя внучка! Помните это!

Голос бабушки звучал так торжественно, заканчивая эту фразу. Я, красная, смущенная, пролепетала что-то, чего не помню сейчас и поспешила скрыться за тяжелой плюшевой портьерой синей гостиной...

Глава II

Ло делается институткой

– Позвольте мне, *chère madame*, представить вам мою внучку. Надеюсь, девочка привыкнет скоро к вашему уважаемому учебному заведению и вы не найдете повода быть недовольной ею.

Всю эту маленькую тираду бабушка произнесла в то время пока рука ее пожимала худенькую бледную руку маленькой, тоненькой и чрезвычайно изящной дамы, пожилых лет, с заметной проседью в гладко причесанных волосах, с усталым, бледным, продолговатым лицом и умными, зоркими глазами.

– Я надеюсь, дорогая графиня, что ваша внучка будет чувствовать себя прекрасно в нашем муравейнике. Ведь она уже почти взрослая барышня. Сколько вам лет, дитя мое? – обратилась ко мне худенькая дама, оказавшаяся Александрой Антоновной Вязьминой, начальницей N-ского института.

– Четырнадцать! – отвечала я тихо, мучительно краснея по привычке под взглядом пристально обращенной на меня пары глаз.

– Только-то! А мне казалось, что вы несколько старше, – мягко произнесла она, протягивая руку и проводя ею по моим густым, тщательно причесанным волосам.

Увы! Это было так обычно для меня, что всем я казалась много старше моих четырнадцати лет! Ведь я была высока, как вешалка, старообразна и дурна при этом! Боже мой, как дурна и безобразна была бедная Ло!

Должно быть, мысли бродившие у меня в голове, отражались на лице моем черной тенью, потому что начальнице как будто сделалось жаль меня и положив мне на плечи свои маленькие аристократические руки с тонкими, длинными пальцами усыпанными перстнями, она проговорила еще мягче и ласковее, нежно наклоняясь ко мне:

– О, мы будем хорошо учиться! Я не сомневаюсь в этом! – И крепко поцеловала меня в лоб своими добрыми розовыми губами, прежде нежели я могла ответить ей на ее слова.

– Ну, графиня, проститесь с вашей внучкой. Я отведу ее в класс. А вас попрошу приехать в ближайший приемный день навестить девочку! Проститесь и вы с вашей бабушкой, дитя мое.

И Александра Антоновна слегка толкнула меня по направлению той, перед кем я беспричинно трепетала все долгие годы моего детства.

– До свидания, Ло. Учитесь хорошо, будьте прилежны, и помните каждую минуту, что ваши покойные родители наблюдают за вами оттуда, с небес, – проговорила торжественно бабушка, поднимая указательный палец и глаза к расписному потолку комнаты, в которой госпожа Вязьмина принимала нас.

Потом она перекрестила меня, поцеловала в голову и, еще раз пожав руку начальнице, шурша длинным тренот шелкового платья, скрылась за дверью.

С того самого дня, в который мне суждено было узнать неожиданную новость о моем поступлении в N-ский институт прошло уже два месяца слишком.

Много было перипетий и сутолоки в эти два последние месяца моей обычно однообразной и небогатой событиями жизни. Получение ответной бумаги из канцелярии института с заявлением о моем приеме, сборы и прощание с пансионом Рабе, где все-таки были у меня, если не друзья и подруги, то умевшие привязаться ко мне за четыре года, совместного учения милые товарки-девочки... Мой альбом наполнился их карточками, моя тетрадка-дневник стихами моих бывших одноклассниц, а в моих ушах до самого дня выхода из пансиона то и дело звенели ласковые фразы бывших соучениц:

– Смотри же, Ло, не забывай нас в новой обстановке!

– Не мудрено и забыть среди новых друзей. Ведь теперь она уже не пансионерка больше, а «белая пелеринка», институтка, затворница!

– Слушай, Ло, старый друг куда лучше двух новых, говорит русская пословица! – между двумя поцелуями, шептала мне Катя Зварина, моя соседка по классу. – А мы будем тебя помнить! – прибавляла она – ты такая честная, правдивая, добрая!

Милая Катя! Она сама была всегда правдивая, честная, добрая и поэтому все казались ей таковыми.

Мне еще долго-долго будет грезиться наяву ее миловидное личико, утонувшее в ореоле белокурых кудрей и веселые ласковые глазки!

Милая Катя! Она была права, однако, говоря так обо мне. Единственным моим достоинством является мое полное незнание лжи, полное неумение лгать, говорить неправду... За то меня и любили в пансионе, не смотря на мое безобразное лицо и наружность негритянки.

Что-то будет теперь? Найду ли я здесь то, что оставила там в моем недалеком прошлом?

Эта мысль и сейчас неотлучно теснилась в моей голове, пока я поднималась обок с моей новой начальницей по широкой каменной лестнице во второй этаж.

Еще далеко не достигнув ее верхних ступенек, я услышала разом залившийся оглушительным резким звоном колокольчик. За ним хлопнула где-то дверь в отдалении... Другая, третья, и в один миг все здание института наполнилось необычайным шумом, гамом и каким-то словно пчелиным жужжаньем или веселым пением шмелей.

– Урок кончился. Началась перемена, – пояснила мне моя спутница на ходу, – это очень хорошо, что началась перемена, потому что вы успеете до следующего урока познакомиться с вашими новыми подругами, – с ободряющей улыбкой присовокупила она.

Между тем, мы миновали лестницу и очутились за стеклянной дверью в длинном коридоре. Целое море голов, темных и светлых, целое море движущегося зеленого камлота и белого коленкора⁵ заволновалось вокруг нас, моей спутницы и меня.

– *Madame la supérieure!*⁶ – полетела по коридору крылатая фраза и вмиг смолкло пчелиное жужжанье и шмелиный звон. Живые волны, перекатывавшиеся с одного конца коридора на другой, остановились. Девочки большие и маленькие быстро строились в шеренги и низко мерно приседали стройными рядами, произнося одну и ту же фразу на разные голоса. – *Madame la supérieure, nous avons l'honneur de vous saluer!*⁷

Александра Антоновна приветливо кивала головой направо и налево, в тоже время не переставая ни на минуту зорко всматриваться в окружающие ее юные лица и фигуры воспитанниц.

– Новенькая! Новенькая! Александра Антоновна привела новенькую! – в тот же миг сдержанным говорком зашумело кругом.

Под этот легкий говорок, на каждом шагу встречая новые группы воспитанниц по пути, низко приседавших перед начальницей и приветствовавших ее одной и той же французской фразой, мы проследовали с ней на дальний конец коридора, где над стеклянной дверью была прибита черная доска с надписью «III-й класс».

Из класса вышла дама небольшого роста, полная, в синем платье и в наколке на гладко причесанных седых волосах.

– *Madame Roger, en voilà une nouvelle élève pour vous!*⁸ – протягивая руку даме в синем, произнесла начальница.

⁵ Институтские платья шились из зеленого камлота (плотной шерстяной ткани), а передники, рукавчики и пелеринки – из белого полотна или коленкора.

⁶ Госпожа начальница!

⁷ Имеем честь приветствовать вас, госпожа начальница!

⁸ Госпожа Роже, вот вам новая воспитанница!

Та почтительно пожала ее пальцы и ласково улыбнувшись мне полными добродушными губами, проговорила на том чистейшем французском языке, на котором говорят только чистокровные парижанки.

– Enchantée de vous voire petite, vous êtes la jeune comtesse Grodsky? N'est-ce pas? Y'espere nous serous bons amis, n'ests-ce pas, chère?⁹

Потом она широко раскрыла дверь класса и крикнув в пространство коридора:

– Mesdames les troisièmes! Rentrez vite! Madame la supérieure, a vous parler!¹⁰

И быстро как в сказке, в пустой за секунду до этого класс, где мы стояли с моей спутницей, хлынула волной целая толпа девочек возрастом приблизительно от четырнадцати до шестнадцати лет.

– Новенькая! Новенькая! – точно деревья в лесу зашелестели умышленно подавленным шепотом голоса моих будущих одноклассниц.

– Mesdemoiselles! Я привела вам новую подругу. Надеюсь, вы обойдетесь с ней дружески и любезно. Не будете обижать ее и приложите все старания, чтобы она, как можно скорее привыкла к вам и ко всем правилам нашей институтской жизни. Ее зовут графиня Елизавета Гродская. Подружитесь с ней, приласкайте ее! – произнесла своим мягким голосом начальница чуть-чуть выдвигая меня вперед.

– Графиня! – чуть слышным звуком повторило эхо нескольких голосов сразу.

– А вы, дитя мое, постарайтесь привыкнуть к нам поскорее! – обратилась Александра Антоновна ко мне целуя меня в лоб. Потом, пожав руку madame Роже, и кивнув головой на прощальное приветствие девочек, она вышла из класса.

⁹ В восторге вас видеть, малютка, вы молоденькая графиня Гродская? Надеюсь что мы будем друзьями?

¹⁰ Третьи, входите скорее, госпожа начальница желает говорить с вами!

Глава III

Первые тернии

- Как ваше имя?
- Вы графиня? Или мне послышалось только?
- Вы русская?
- Может быть вы негритянка!
- Mais oui, elle est négresse, mesdames!¹¹
- Вы похожи на нашу Аннибал! На африканку нашу. Где африканка? Позовите Аннибал!
- Бедная Римма, ей не польстили!
- Тише, Незабудка! Новенькая ведь не глухая! Она слышит твои слова!
- Без замечаний, Остранская! Не будь классной дамой! Тебе это рано еще. Ты не старая дева!
- Но ты не умеешь вести себя!

О, как я хотела бы, как искренно хотела бы оглохнуть в эту минуту, чтобы не слышать всего того, что пчелиным роем звучало над моей злополучной головой. Около трех десятков девочек окружали меня, забрасывая вопросами, на которые я едва успевала отвечать.

Голубые, синие, серые, карие и черные глаза впились мне в лицо с самым бесцеремонным любопытством. Глаза, разглядывавшие меня с такой настойчивостью с таким красноречивым удивлением, что хотелось сквозь землю провалиться в этот миг. О, как я краснела, и смущалась под этими перекрестными взглядами, пронзавшими меня, казалось, насквозь! Через какие-нибудь пять минут все лицо мое стало красно, как кумач отчего сделалось еще безобразнее и непригляднее. Мои ресницы вздрагивали и трепетали, боясь выронить слезы смущения и стыда, застилавшие мне глаза серым туманом.

Мне казалось, что все эти юные более или менее миловидные девочки ужасаются моему уродству, моему мясистому широкому сплюсненному носу, моим толстым припухлым губам.

А маленькие мучительницы, как бы не замечая моего волнения, подступали ко мне все ближе и ближе, закидывая меня все новыми и новыми вопросами, которым не предвиделось конца. Итак как я все еще продолжала молчать, стоя по-прежнему с опущенными глазами. Одна из зелено-белых фигурок выдвинулась вперед, встала передо мной и проговорила голосом, исполненным вызова и насмешки:

- Что же вы не достаиваете нас ответом? Или вы слишком ничтожным считаете для себя вступать в разговоры с нами простыми смертными, госпожа сиятельная графиня?

Этот голос звонкий и резкий в одно и то же время, привлек мое внимание и заставил поднять на говорившую затуманенные глаза. Передо мной стояла девочка маленького роста, худенькая до прозрачности, с нежной сквозящей голубыми жилками кожей с бледными же губками, с огромными голубыми глазами, полными затаенной насмешки и задора, глазами прекрасными, не смотря на это и походившими своим цветом на прелестный голубой болотный цветок. Благодаря этим глазам Олю Звереву и называли, как я узнала впоследствии, Незабудкой, кличка полученная ею с самого младшего класса среди подруг.

Лишь только голубоглазая и белокурая девочка произнесла свою фразу, целый поток замечаний, шиканья и укоров полился на нее.

- Перестань, Зверева. Как тебе не стыдно! Не думаешь ли ты «нападать» на новенькую, как какая-нибудь седьмушка. Стыдись, Незабудка! Мы выросли для этих глупостей! Не остроумно, душка уверяю тебя!

¹¹ Ну да она, негритянка, девочки.

– Но почему же она важничает и не хочет нам отвечать! – неожиданно вспыхнув, закипятилась Оля.

– Да! Да! Почему вы не желаете нам отвечать? – зазвенело, зазвучало, и зашумело вокруг меня на разные голоса.

Почему я не могла им отвечать?

Мое лицо все гуще и гуще покрывалось краской, глаза все наполнялись слезами, а по губам то и дело пробегала судорожная гримаса удерживавшая меня от слез. Я чувствовала, что еще один вопрос, один недоброжелательный взгляд и я разревусь сейчас, как самый маленький и беспомощный ребенок. Мне было мучительно стыдно и своего безобразного лица и своего графского титула и всех этих новых незнакомых мне сверстниц, рассматривавших меня, как вещь своими зоркими, беззастенчивыми глазами. О, как я была бы счастлива, если б нашла в себе силы крикнуть сейчас: «Вы ошибаетесь все, уверяю вас, вы неправы! Не правы! Я не горжусь и не важничая, я просто сгораю от стыда. Я слишком застенчива, слишком стесняюсь моего гадкого некрасивого лица, моего угловатого вида, всей моей внешности негритянки, моей нелюдимости и угрюмости, наконец!»

Однако, я не могла им крикнуть всего этого. Я чувствовала, что один только звук, одно только слово и слезы хлынут...

Потянулась убийственная для меня минута молчания... Вопросов со стороны девочек не слышалось больше. Только неугомонная насмешница Зверева-Незабудка, по-прежнему стояла предо мной, мурлыкая себе под нос нараспев:

Она была горда...
Ох, как горда!
Она была прекрасна!
О, как прекрасна!
Как... графиня!

Еще немного и я бы разрыдалась навзрыд. Насмешка, этой тоненькой голубоглазки девочки жалила остро в самое сердце и положительно сводила меня с ума!

Слезы уже клокотали в моем горле, сжимали его и душили меня. И вдруг неожиданно новый голос, громкий и сильный как у мальчика, заставил меня сразу поднять опущенную на грудь голову и взглянуть вперед. Высокая, полная, смуглая девочка, с простодушным, скорее некрасивым нежели хорошеньким, лицом с очень смуглой оливкового цвета кожей, с румяными, алыми как кровь припухлыми губками и черными, огромными, блестящими, как два острые клинка, глазами под сросшиеся густой полоской бровей, с беспорядочно падающими на лоб смоляными кудрями мелко вившимися барашком, – вот что представилось моим изумленным глазам.

Такой институтки я не ожидала встретить. Все в ней, начиная с ее широкоплечей высокой и коренастой, с размашистыми манерами, фигуры и кончая большими смуглыми далеко не первой чистоты руками, казалось далеким и чуждым вычурному хорошо дисциплинированному строю институтской жизни. Белая пелеринка, съехавшая на спину, едва держалась на тонких завязках, «на честном слове», по выражению институток, которое я узнала впоследствии, обнажая смуглое и сильное плечо. Черные как у негритянки кудри беспорядочной волной спускались на шею и грудь. На белом переднике двумя огромными кляксами выделялись два чернильных пятна. Один полотняный рукавчик свалился с руки и болтался замусоленной тряпкой у кисти. Румяные губы были широко раскрыты и сквозь их алые, как кровь, полоски, белелся сверкающими миндалинами, ослепительный ряд красивых, ровных зубов.

В ней не было ничего русского, в этой странной девочке, живой, как ртуть, порывистой, как молодая дикая лошадь.

– Ага! Новенькая! Господи, какая уродка! – крикнул тот же звонко-сильный, далеко не женственный голос и два глаза-клинки так и впились в меня. Глаза эти со жгучим любопытством рассматривали меня, в то время как оливковое лицо и ало-пурпурные губы улыбались весело и простодушно. И нельзя было обидеться на эти милые глаза-кинжальчики, ни на эти добрые губы, ни на чистосердечно вырвавшееся из них слово «уродка». Действительно, я же была такова и не могла казаться иной!

Однако, окружающие меня девочки не разделяли моего взгляда, очевидно. То что можно было, по их мнению, скрыть под покровом насмешки, нельзя было ни коим образом высказывать так открыто в лицо. Бледненькая Незабудка с саркастической улыбкой покачала своей белокурой головой и произнесла с укором, обращаясь к оливковой девочке:

– Ай-ай-ай и тебе не стыдно, Аннибал! Надо уметь как можно лучше прятать свои впечатления, милая Римма!

– Ну что ты там болтаешь за глупости, Зверева! – захохотала веселым беспричинным смехом курчавая Римма, сверкая крупными жемчужинами своих ослепительных зубов. Не думаешь ли ты, что новенькая чувствует себя ужасно красивой?

И она снова захохотала во все горло, не переставая смотреть на меня.

Смущение овладело остальными девочками. Казалось, моя подавленность передавалась им. Они почувствовали себя неловко. Одна только «Африканка» по-прежнему, со свойственной ей бесцеремонностью продолжала разглядывать меня. Потом, не удовольствовавшись одним созерцанием очевидно, она взяла в обе руки мою тяжелую толстую косу и взвешивая ее на ладони, сверкая при этом черными, как ночь глазами повторяла с восхищением, оглядываясь на подруг:

– Ага! Какова! Нет, коса-то какова! Сама некрасивая, а волосы то, волосы, целое богатство. Тысячу рублей такая коса стоит. Как Бог свят, стоит.

И, окончательно придя в восторг, она, помимо собственной воли, так сильно дернула меня за волосы, что я невольно вскрикнула. Натянувшиеся нервы не выдержали и опустившись на первую попавшуюся скамейку перед учебным столом, я залилась слезами.

И не то что мне было так больно, что я не могла удержаться от слез, а просто все мое напряженное до сих пор состояние, должно было найти исход и вылиться слезами.

– Африканка! Римма! Как тебе не стыдно, глупая этакая! Готова чуть ли не драться, как мальчишка! Стыдись! – слышались звонко шепчущие голоса и я услышала в тот же миг шелест платьев, разом отхлынувшей от меня толпы девочек. И почти одновременно на плечо мое легла чья-то маленькая ручка.

– Не плачьте, новенькая! Вытрите ваши слезы и не обращайтесь на африканку. Она глупа, правда, но добра и дика и на нее за ее глупость положительно нельзя сердиться, – услышала я плавно и спокойно журчащий, как лесной ручеек, голос. Невольно руки с платком упали на мои колени, я широко раскрыла заплаканные глаза и увидела перед собой незнакомую институтку, высокую, стройную, как пальмочка, красавицу собой, такую удивительную красавицу, какую встречала до сих пор разве только на картинах. У нее было тонкое личико, скорее бледное, без тени румянца, но той здоровой матово-желтоватой бледностью, которую можно было принять летом за легкий налет загара.

Тонкий нос с горбинкой и гордые сомкнутые губы тонкие же, словно выведенные кисточкой брови чуть-чуть удивленно приподнятые над большими серыми холодными глазами, такими хрустально спокойными глазами, похожими на тихое северное озеро, своим ясным спокойствием и глубиной.

Серые, как темная пыль или пепел волосы, тщательно причесанные на пробор, ложились двумя густыми пышными прядями по обе стороны красивого личика, переходя сзади в две длинные, но не толстые, до колен косы... Маленькие руки, маленькие уши и тонкая фигурка девочки говорила об аристократическом происхождении последней. И вся она казалась такой

легкой, воздушной, прелестной и хрупкой на диво. Я смотрела на нее с невольным восклицанием, любуясь ею.

– Кто вы? – невольно вырвалось у меня, когда ее серые, как тихая вода северного озера, глаза встретились с моими.

– Институтка. Белая пелеринка, какой и вы будете скоро, – чуть пожимая плечами и без малейшей улыбки произнесла девочка. – Меня зовут Диной Колынцевой, а прозвище мое Фея. А как вас зовут?

– Ло! – поторопилась я ответить, все еще не спуская с странной девочки восхищенного взгляда.

– Ло? – удивленно приподняла она тонкие брови. – Мне не нравится это имя. У вас должно быть другое... Ло можно называть пони, собачку, птицу, но не девочку. Так мне кажется по крайней мере. Ведь вы русская! Да?

– О, да! – снова поспешила я ответить. – Елизавета Гродская. Вот мое настоящее имя.

– Графиня?

– Да! – краснея отвечала я, боясь, чтобы девочки не услышали меня и не подняли на смех.

– Я знаю одну графиню Гродскую. Она стройная, красивая, седая и всегда ходит в сером шелковом платье – роняла Дина своим металлическим и спокойным голоском.

– Это моя бабушка.

– Она бывала в доме моей тетки. Когда я буду писать домой, я упомяну в письме о моей встрече со внучкой графини, Елизаветой Гродской. А теперь ступайте за мной. Около меня есть свободное место. Madame Роже наверное посадит вас рядом со мной. Идемте же. И взяв меня за руку, красавица Фея, не слышно и легко ступая своими изящными ножками, повела меня к своему пюпитру и усадила подле себя.

Едва только я успела опуститься на указанное мне место, как зазвенел звонок в коридоре, широко распахнулась дверь класса и в комнату вошел молодой человек в форменном вицмундире с бархатным воротником, с темной бородкой и такими же усами.

– Это monsieur Nidal, наш французский учитель, он будет экзаменовать вас сию минуту! – успела шепнуть мне моя соседка, как француз усаживался на кафедру и расписывался в классном журнале.

И как бы подтверждая ее слова m-eur Nigal, окинул глазами класс и остановив их на madame Роже, с которой обменялся при входе почтительным поклоном, спросил:

– Et bien madame, vous avez une nouvelle élève?¹²

– Oui, monsieur¹³, – поторопилась ответить классная дама и, кивнув пне головой, произнесла по моему адресу: Allez, vite, mon enfant. Mousieur Nidal aura la complaisance de vous examiner!¹⁴

Я быстро поднялась со своего места и направилась к кафедре.

– Как ваше имя – спрашивает меня учитель по-французски.

– Гродская! – отвечала я.

– Графиня Гродская! – поправила меня внушительно со своего места madame Роже.

– Ее сиятельство графиня Гродская! – зазвенел с ближайшей скамейки чей-то насмешливый голосок и мои глаза беспомощно метнувшиеся по классу встретились с голубыми дерзкими глазами Незабудки.

Я вспыхнула до корней волос и потупила голову.

– M-lle Зверева. Я вас попрошу молчать! – снова на чистейшем французском языке проговорил m-eur Nidal и его глаза сердито блеснули в сторону маленькой насмешницы. Потом он

¹² У вас новая ученица?

¹³ Да.

¹⁴ Идите, дитя мое, господин Нидаль будет так любезен проэкзаменовать вас!

попросил меня прочесть одну из басен Лафонтена и пересказать ее своими словами. Я хорошо владела языками, французским, немецким и английским благодаря заботливости бабушки, окружавшей меня иностранными боннами и гувернантками до одиннадцати лет пока я не поступила в пансион Рабе. Чем дальше рассказывала я прочтенную басню, тем ласковее становилось лицо внимательно слушавшего меня учителя, а когда я окончила он даже слегка зааплодировал мне:

– Прекрасно! Прекрасно! У вас чудесный выговор, m-lle! – произнес он по-французски и одобрительно кивнув мне головой, отпустил меня на место.

– Вы прекрасно говорите по-французски! – встретила меня Фея и ее красивое личико обратилось ко мне, – только вам надо отвыкнуть от скверной привычки краснеть и смущаться. А то девочки будут постоянно поднимать вас на смех. А это очень неприятно. Я видела, как француз поставил вам 12. Это очень хорошо! – произнесла она со своим спокойным невозмутимым видом маленькой королевы.

Я хотела ответить что-нибудь моей новой знакомой и подняла голову. В ту же минуту маленький скомканный шарик ударил меня в лоб и упал на мою парту. Я вздрогнула и чуть не вскрикнула от неожиданности.

– Это верно записка от кого-нибудь из наших! – шепнула мне Фея, – прочтите ее скорее, а то madame Роже заметит еще и будет бранить.

Я быстро схватила белый комочек, развернула его и прочла:

«Новенькая, пожалуйста не сердись на меня. Ты плакала, я тебя обидела, но я не хотела, тебя обидеть!»

Я не хочу чтобы ты плакала! Я не нарочно, как Бог свят. Я очень глупая, оттого. Так говорит моя милая Диночка и все другие. Если ты не сердишься, то обернись назад, я сижу за тобой. Покамест прощай.

Твоя глупая африканка Аннибал».

Я не могла не улыбнуться, прочитав эту наивную записку, написанную крупными вкривь и вкось идущими буквами, с бесчисленными ошибками и четырьмя кляксами в виде непрошенных украшений на ней. Я обернулась назад и в тот же миг увидела оливковое лицо, сверкающие как морская пена великолепные зубы и танцующие, как живые черные вишни, обрызганные росой, глаза Аннибал. Все лицо девочки красноречиво выражало такую веселую и простодушную мольбу, в одно и тоже время, что я бы охотно расцеловала ее смуглую рожицу.

Поймав мой взгляд она радостно закивала своей курчавой головой и зашептала что-то, чего за дальностью расстояния не могла разобрать.

– M-lle Колынцева! – прозвучал в эту минуту голос учителя – voulez vous me repondie votre lecon?¹⁵

Фея быстро и легко поднялась со своего места, слегка обдернула на себе белую пелеринку и легким шагом скользнула на середину класса. Она отвечала гладко и красиво и также свободно владела французским языком, как и я. Во время ответа ее матовые щеки заалели нежным румянцем и она стала почти прекрасной. За ней были вызваны еще четыре девочки и Римма Аннибал в их числе. Последняя не знала урока, путала и заикалась произнося строки басни и когда, наконец раздосадованный учитель отпустил ее на место, поставив ей двойку, африканка не мало не смущенная этим, направилась между рядами пюпитров к своей скамье то и дело задевая по голове рукой то ту, то другую из товаров.

Вскоре вслед за этим прозвучал звонок, и девочек выпустили в коридор, пока в классе открывали форточки...

¹⁵ Не угодно ли вам отвечать ваш урок?

Едва только я перешагнула порог комнаты, как кто-то стремительно и бурно бросился мне на шею. Я успела только рассмотреть два огненно-черные глаза; белую как кипень полоску зубов и яркие губы, полураскрытые простодушной улыбкой.

– Милая! Душенька! Не сердись на африканку! На глупышку! На дурочку! Пожалуйста не сердись! Не буду! Как Бог свят не буду, шоколадная, моя! Дай, поцелую! Вот так! Вот так! – лепетала Аннибал, покрывая мои щеки, глаза, лоб и брови градом горячих, бурных поцелуев. Потом схватила меня за руку и крикнув: – Пойдем, я покажу тебе институт! – помчалась куда-то с быстротой стрелы, увлекая меня за собой. Я поневоле должна была следовать за ней, потому что ее сильная не по годам большая рука держала меня так крепко, что не было никакой возможности вырваться из ее цепких пальцев.

– Скорее! Беги скорее! Ну, ну же, беги, как молодой конек! Неужели же ты не умеешь еще бегать? – подбодряла она меня летя как стрела, пущенная из лука. Увы! Она сама бежала с такой стремительностью, что я едва поспевала за ней. Институтки, попадавшие нам на встречу, в ужасе отскакивали от нас и рассыпались в разные стороны. Их испуганные и негодующие восклицания долетали до моих ушей.

– Боже! Опять эта Аннибал взбесилась!

– Mesdames, смотрите она и новенькую начинает смущать!

– Кажется и новенькая из породы «диких»!

– Да, да! Недаром у нее вид негритянки. Похожа на Аннибал, как родная сестра.

– Боже они собьют нас с ног сию минуту... А мы, между тем бежали все быстрее и быстрее...

Вот кончился бесконечно длинный коридор. Вбежали в залу, белую красивую комнату со стенами выкрашенными под мрамор с портретами царствующих лиц изображенными во весь рост и развешенными по стенам. Из залы пулей вылетели на лестницу, поднялись в третий этаж (зал и классы находились во втором) и влетели в длинную просторную с шестью окнами спальню с четырьмя рядами кроватей покрытых серыми нанковыми одеялами. Аннибал метнулась птицей к ближайшей из них ткнулась головой в жесткую подушку и, дрыгая ногами, и хохоча во все горло, кричала в голос так громко, что ее, я думаю, было слышно не только в соседней умывальной комнате, с широким желобом по стене и с целым десятком кранов, но и, на самом дальнем конце института.

– Ха, ха, ха, ха! заливалась она – вот так скачка! Как Бог свят, точно дикие лошади, или молния на небе! – и сама она говоря это казалась мне такой дикой лошадкой такой же огненной молнией в эту минуту. Ее глаза сверкали ненасытной жаждой веселья, ее белые зубы блестели, ноздри широкого носа трепетали и расширялись, а кудри так и плясали вокруг разгоряченного лица.

Вдруг радостное, восторженное выражение мигом потухло в черных глазах Риммы. Она вскочила с кровати, схватила меня за руку, впилась испуганными глазами в мое лицо.

– Новенькая! Да на тебе лица нет, что за измученный вид у тебя!.. Ишь, как побледнела разом! Да ты не умираешь ли новенькая? О, пожалуйста, не умирай!.. Голубушка! А то мне так попадет от нашей «командирши», скажет, что уморила тебя! А я как Бог свят, не виновата, что ты двух шагов пробежать не можешь! Такая кисляйка!

Ее и без того толстые губы выпятились вперед с выражением явного презрения и казались теперь еще толще. Черные глаза метали негодующее пламя. Очевидно, девочка презирала мою слабость и, благодаря своей дикости не стеснялась показывать ее. Я действительно, чувствовала себя неважно. Непривычная к такой скачке, головокружительной и безумной, я дышала прерывисто и тяжело... В моих глазах мелькали красные круги... Холодный пот выступил на лбу, ноги подкосились и, прежде чем я могла сказать хоть одно слово африканке, все мое худенькое тщедушное тело зашаталось из стороны в сторону и я тяжело рухнула на ближайшую кровать.

Глава IV

Неожиданный оборот дела

– Вам худо, дитя мое?

Я с усилием открыла глаза.

Передо мной наклонилась испуганно-озабоченное лицо madame Роже. Встревоженные глаза француженки старались заглянуть в мои.

– Дитя мое! Выпейте воды! Chère Мурина, принесите воды новенькой! – приказала она кому-то по-французски. Кто-то слегка зашевелился с другой стороны кровати, на которой я лежала. Я взглянула туда и увидела девочку одного возраста со мной, бледненькую, некрасивую, с желтоватым нездоровым цветом лица, с неправильными чертами, но с такими ясными, кроткими, чарующими лиловато-синими глазами, полными ласки и доброты. Эти лиловато-синие глаза лучились и сияли, и озаряли точно солнечным светом все некрасивое личико, сообщая ему непонятную мягкую нежность. Нельзя было сомневаться в том, что эта девочка великодушна и добра как ангел, нежное сердечко и чуткая душа отражались как в зеркале в ее милом личике. Встретив взгляд ее лучистых глаз, таких необыкновенно прекрасных, с горячим сочувствием глядевших на меня, я сразу почувствовала себя тепло и уютно. Я протянула руку, невольно сжала тонкие пальцы девочки в своей руке и спросила тихо:

– Как вас зовут?

– Валентиной. Я Валентина Мурина, а подруги называют меня Муркой, – отвечала она низким, мягким бархатистым голосом, который так и просился в душу, и, помолчав немного, заговорила опять: – Лучше ли вам? Я сейчас принесу воды! Расскажите мне, как все это случилось. Почему вы упали в обморок?

Я упала в обморок? Так вот оно что? Так вот почему я лежу в этой большой комнате на чужой постели, а около меня хлопочут встревоженная madame Роже и эта милая девочка с ее прекрасными, лучистыми глазами. Моя новая знакомая вышла на минуту и тотчас же вернулась снова со стаканом воды в руках. Когда она шла от меня, я заметила, что она мала ростом, сутуловата, и черные волосы ее, некрасиво зализанные спереди, заплетены сзади в узкую жиденькую косицу, болтающуюся выше талии. Я заметила также у нее привычку щуриться, когда она говорила, но ее огромные, очевидно близорукие глаза от этого не переставали кротко сиять и лучиться, как солнце в мае.

– Вот выпейте, вам будет лучше!

Ее тоненькая ручка протягивала мне стакан. А сощуренные глаза сияли все мягче и мягче...

Я послушно отпила воды из стакана и передала ей его снова, не сводя с нее благодарных глаз. Милое, милое было у нее лицо и притягивало меня к себе с каждой секундой все больше и больше.

– Ну, а теперь рассказывайте, – проговорила она шурясь, я знаю что вы новенькая и что Александра Антоновна привела вас к нам, в третий класс. Меня, к сожалению, не было тогда. Я ездила к зубному врачу с Лидией Павловной, нашей немецкой классной дамой, и сейчас только вернулась. Только что успела войти в класс, как влетела эта безумная Аннибал и кричит, что «новенькая умерла», что она, то есть Аннибал, вбежала в дортуар¹⁶, а там лежит мертвое тело на кровати... Мы бросились сюда и видим, вы без чувств. Что с вами?

¹⁶ Спальня.

– Как что? Разве Аннибал не рассказала вам, что она побежала из класса, и потащила меня с собой так скоро, что у меня закружилась голова? – с удивлением обратилась я с вопросом к девочке.

– Как, так значит она... – И лиловато-синие лучистые глаза сощурились снова и легкий румянец залил бледное лицо Муриной, – так значит, она солгала, говоря, что нашла уже вас лежащей без чувств? Ах, как это нехорошо с ее стороны! – прошептала чуть слышно Валентина, и лицо ее точно померкло и осунулось в этот миг.

– *Villiane petite mentense! Il faut la punier bien sè vèrement cette petite sauvage!*¹⁷ – послышался строгий голос над моей головой и, повернув голову, я встретила с вспыхнувшим от негодования и гнева лицом *madame Роже*.

Я сама густо покраснела в эту минуту. Мое сердце сжалось, потом забилося, сильно, сильно... Я поняла, что, помимо воли, выдала Аннибал, совершенно позабыв о присутствии здесь в спальне классной дамы. Крайне смущенная, взволнованная и испуганная, я тотчас же принялась уверять *madame Роже*, что Аннибал не виновата, что я сама побежала за ней, что я, наконец, уже ранее чувствовала и головокружение и упадок сил, и что... что... – Тут я уже окончательно замаялась, смутилась и принуждена была сконфуженно смолкнуть, так как мне никогда еще в жизни не приходилось лгать. *Madame Роже* ласково взглянула на меня прояснившимися глазами и проговорила, погладив меня по голове:

– Вы доброе и великодушное, дитя и хотите выгородить из беды вашу подругу. Но Аннибал виновна и заслуживает наказания. Она виновна уже в том что побежала днем в дортуары и потащила вас за собой. А это у нас строго запрещено, а во вторых между уроками воспитанницы должны быть все в коридоре и отлучаться без моего разрешения не смеет оттуда никто. Аннибал будет наказана, но вы не виноваты в этом. Вам же, дитя мое следует побыть здесь в дортуаре до обеда, Мурина останется с вами, а я должна идти в класс. Ведь вы чувствуете себя легче, теперь, моя милая? – закончила *madame Роже* вопросом свою блестящую французскую речь.

– О, да, мне лучше! – поспешила я ответить, вся красная от волнения за участь бедной дикарки Аннибал.

Madame Роже, ласково кивнула мне головой похлопала меня по плечу и улыбнувшись Муриной, вышла из дортуара. Я и Валентина остались одни.

¹⁷ Гадкая маленькая лгунья, надо строго наказать ее, эту маленькую дикарку!

Глава V

Моя новая знакомая

– Боже мой, что я наделала! – прошептала я, в ужасе хватая себя за голову – ей, попадет теперь, неправда ли бедняжке Аннибал!

– Да, вы невольно причинили ей неприятность – согласилась моя новая знакомая, – но ведь вы не хотели сделать зла бедной африканке.

– Разве вы можете сомневаться в этом! – горячо вырвалось из моей груди и слезы обожгли мне глаза.

– Успокойтесь. Не надо плакать, голубушка, – мягко, мягко зазвучал голос Вали Муриной у моего уха – я верю вам... И потом... Такие наказания для Риммы, – ровно ничего не значат. Она уже привыкла к ним. Ее наказывают так часто, почти ежедневно... Думают ее исправить, но ничего не помогает, – наша африканка продолжает быть такой же дикой, необузданной дикаркой, какой она поступила сюда год тому назад. Вы знаете, ведь она совсем особенная Римма! Она – потомок арапского племени, прапраправнучка того знаменитого арапа Ибрагима, который, был денщиком и верным слугой царя Великого Петра. Горячая, необузданная и шальная какая-то эта Римма. Мы не даром прозвали ее африканкой. Ее предки – были дети далекой дикой и знойной Африки и до сих пор их особенная живая южная кровь отражается и на их дальнем потомстве. К тому же, Римма всю свою жизнь провела в глухом захолустье, где у её отца есть огромное имение и где девочка до тринадцати лет росла на свободе, не слушаясь гувернанток, приставленных к ней, лишенная нежной заботы матери, умершей очень давно. Римма единственная дочь и любимица отца, который кстати сказать, постоянно занят делами по имению и не может так строго следить за воспитанием Риммы... Понимаете теперь почему она такая необузданная и буйная? И разумеется не осудите ее!

– О, разумеется! – горячо воскликнула я, – и мне теперь еще тяжелее, что я невольно выдала ее классной даме и подвела под наказание.

– Это пустое, – утешала меня моя милая собеседница, – Римма к сожалению, смеется надо всем этим, и наказание для нее не имеет ровно никакого значения, а вот только как взглянут на ваш невольный проступок остальные девочки. У нас выдача кого-либо из подруг, хотя бы и нечаянно, считается большой виной. Нарушать «правило товарищества» у нас – позор. Я боюсь, что девочки не поймут вас и...

– Но их можно уверить! – произнесла я, робко, – что все это произошло не по моей вине. И потом моя соседка девочка с пепельными волосами, красавица, которую подруги называют Феей, должна помочь в этом деле. Она кажется пользуется таким влиянием на класс – припомнив прелестную девочку с тонким личиком, проговорила я.

– Вы говорите о Дине Колынцевой? – живо переспросила Мурка, – не полагайтесь на Дину... Дина – очень порядочная, честная девочка, но она уж слишком холодная, слишком особенная какая-то, точно настоящая фея. Держит себя в стороне и только и занята сама собой. Учится она великолепно и считается первой ученицей класса.

– А вы? – неожиданно для самой себя сорвалось из моих губ.

Валя взглянула на меня внимательно и кротко потом сощурила свои лучистые, милые, близорукие глаза и проговорила тихо и печально;

– Я не могу дурно учиться. У меня нет отца, он недавно умер, а мама перебивается на небольшую пенсию и дает уроки музыки. Нас семеро детей, и я самая старшая. Я должна хорошо учиться, чтобы окончив курс помогать маме содержать семью. Вы понимаете, что я так должна! – её милый голосок зазвенел таким убеждением, а лучистые глаза широко рас-

крывшись наполнились таким дивным выражением готовности всю жизнь положить на пользу близких, что я не могла удержаться, обняла ее за шею и крепко поцеловала в бледную щечку.

– Какая вы милая Валя! Какая хорошая! – проговорила я и вся душа моя потянулась на встречу этой чистой, кроткой прекрасной девочке.

Ах, если бы эта девочка согласилась бы сблизиться со мной, стать моей подругой, помочь мне переносить мое одиночество в этих холодных, серых стенах. Эта мысль пришла мне в голову внезапно, быстро и помимо ожидания, я с несвойственной мне смелостью высказала ее.

– Милая Валя, хотите подружиться со мной? У меня никогда еще не было настоящей подруги, хотя и была дружна со всем классом, в пансионе madame Рабе. Согласитесь же быть моим другом. Да? – проговорила я смущенно, ловя взгляд лучистых глаз моей собеседницы.

Валя Мурина чуть-чуть смутилась в свою очередь и слегка краснея, проговорила положив мне на плечи свои худенькие руки:

– Милочка, спасибо вам, душка, за ваше предложение но, простите меня! Я им воспользоваться не могу, проговорила она своим мягким бархатным голосом.

– Не можете! – уныло отозвалась я. – У вас уже есть подруга.

– Душка моя, не сердитесь и поймите меня, ради Бога, – с жаром и воодушевлением подхватила снова Валя, – у меня нет подруг, клянусь вам и я не могу быть особенно дружной с одной, какой-либо девочкой потому что должна дружить со всеми тридцатью. Я их общая «Мурка», как вы и узнаете скоро, я всем своим существом принадлежу всему классу и никому в особенности. Каждая из девочек во всякую минуту приходит ко мне поверять мне свои радости и горести, каждой из них я должна объяснить урок, который ей трудно дается, каждой обязана помочь советом. Так учила меня моя мамочка, когда отдавала меня сюда и так я и должна поступать. Не сердитесь же на меня, душка, и будьте моим другом как и все мои одноклассницы и перейдем на «ты» это сближает скорее!.. Хочешь?

Ее милое личико приблизилось к моему, ее лучистые глазки сияли мне на встречу, ее рука протянутая мне ждала моей... Я пожала худенькие пальцы Мурки, поцеловала ее бледное личико и с легким вздохом проговорила:

– Спасибо вам... Тебе, то есть, хотела я сказать и... Спасибо большое... Ты...

Но мне не пришлось закончить моей фразы. Где-то зазвенел рассыпчато и звонко серебристым звуком колокольчик. Сначала далеко, потом ближе, еще ближе... Совсем рядом в коридоре... Около нас.

– Звонок к обеду, надо идти. Ты не сердись на меня? – живо произнесла моя собеседница машинальным жестом поправляя волосы и без того гладко причесанные на ее головке.

– Конечно, нет! – с усилием, стараясь казаться совсем спокойной, проговорила я, в то время как сердце мое наполнялось какой-то мне самой непонятной грустью, точно я чувствовала, что эта милая, так крепко полюбившаяся мне девочка, не может никогда тесно и дружно сойтись со мной. И с тем же тяжелым чувством я вышла из спальни, и направилась в столовую об руку с Муркой.

Глава VI

Мне объявлена война всем классом

– Шпионка! Доносчица! Mesdames! Смотрите душки, шпионка пришла! – услышала я смутный шепот трех десятков голосов, едва успев переступить порог огромной сводчатой комнаты с двумя рядами белых колонн, между которыми стояло несколько десятков столов, накрытых для обеда. За столами сидели воспитанницы, целые три сотни воспитанниц, распределенные по классам. У каждого класса было по три, по четыре «своих» стола, за которыми девочки рассаживали по личному усмотрению классной дамы. Старшие классы помещались ближе к входным дверям столовой, младшие классы сидели почти что у самой буфетной и кухни, отделенной помимо стены от столовой еще высокой ясеневое дерева перегородкой, посреди которой находилась икона Спасителя, благословляющего детей, с теплящейся перед ней день и ночь лампадой.

– Вот видишь, я не ошиблась! – шепнула мне Мурка, и лучистые глазки ее с беспомощным выражением растерянности устремились к тому столу, откуда слышался зловеющий шепот, – вот видишь, история с Аннибал вооружила класс! Не отчаивайся, однако, я постараюсь выгородить тебя как умею.

Моя рука, лежавшая в руке Вали, дрогнула. Я боялась понять значение тех слов, которые только что посылались мне на встречу. Как, неужели слова: доносчица, шпионка, относились ко мне?

Что-то сжало мне как тисками горло. Губы мои дрогнули. Но я сделала усилие над собой и внимательно посмотрела вперед. Теперь я стояла у крайнего стола третьего класса. Madame Роже подвела меня к нему. Я увидела красивое матовое личико Феи, насмешливо улыбающуюся Незабудку, и еще с десяток девочек, смотревших на меня с вызовом и враждебно.

– Voilà votre place, ma chère!¹⁸ – произнесла madame Роже, заботливо усаживая меня на край стола, где имелось еще одно незанятое место.

Я очутилась как раз около Незабудки. Она быстрым и резким движением отодвинулась от меня, лишь только я опустилась на скамью по соседству с ней.

Как раз в эту минуту одна из дежурных по столовой девушек-прислуг поставила на стол дымящуюся миску с супом и Фея, Дина Колынцева, принялась разливать его по тарелкам, передаваемым ей от одной девочки к другой.

– Госпожа шпионка! – услышала я над своим ухом резкий голос моей соседки и сверкающие глаза Незабудки с откровенной ненавистью впились в меня, – если не хотите умереть голодной смертью, встаньте со своего места и потрудитесь идти за супом, вашей тарелки я не намерена передавать.

Я покраснела от неожиданности и обиды, и сделав над собой усилие, дрожащим голосом начала говорить о том, что, очевидно, здесь кроется какое-то недоразумение, что меня не поняли и что я никому не причинила никакого зла...

– Донесла, а потом еще оправдывается! Противная! – услышала я возмущенный голос с конца стола, и взглянув по тому направлению, увидела девочку, миловидную, темноволосую, с серыми глазами и немного вздернутым изящным носиком, которая с явной ненавистью смотрела мне прямо в лицо бойкими и злыми глазами.

– Грибова, перестань! – прозвучал спокойный голос Феи, – а вы, Гродская, передайте вашу тарелку Зверевой. Что за глупости выдумываешь ты, Незабудка! – тем же не допускающим возражения, спокойным тоном проговорила она.

¹⁸ Вот ваше место, дорогая!

– Ваше сиятельство, высокочтимая графиня, соблаговолите протянуть мне вашу тарелку! – паясничая и насмешничая, роняла Незабудка, а черненькая Лиля Грибова хохотала, дерзко глядя мне прямо в глаза.

Дымящийся суп мгновенно очутился передо мной, но я не могла к нему прикоснуться, увы! Судорожно сжималось мое горло тисками от незаслуженной обиды. Незабудка и Грибова не переставали прохаживаться на мой счет, то и дело отпуская колкие замечания и насмешки. Остальные поддерживали их замечаниями о том, что в их чистый товарищеский кружок, где до сих пор не было предателей, затесалась шпионка и доносчица, достойная всякого презрения и справедливого гнева.

Мои уши разгорались все ярче и ярче, слушая все это, мои щеки начинали пылать, руки дрожали и кусок не шел в горло...

Вдруг, неожиданно после второго блюда, – жаренных кусочков мяса с картофелем, раздался голос Незабудки, выкрикнувший громко, чуть ли не на всю столовую, с выражением соболезнования и горя:

– Смотрите, смотрите на бедняжечку Аннибал, она ничего не ест. Бедная, бедная наша африканка!

Девочки, сидевшие за столом, повернули головы. Я машинально сделала то же. Посреди столовой, красная, растрепанная, с беспокойно бегающими глазами, злая и растерянная стояла Аннибал, свирепо хмурия свои густые черные брови. Станным показалось мне и то, что африканка стоит одиноко посреди столовой с тарелкой в руках, и то, что на ней нет обычного форменного белого передника. Это обстоятельство настолько удивило меня, что я, позабыв незаслуженно грубое отношение ко мне моих новых товарок, спросила с живостью красавицу-Фею:

– Что с ней? Зачем она стоит там одна посреди столовой?

– Вам это лучше знать! – взвизгнула мне почти в самое ухо Незабудка и ее голубые, как два лесные цветка глаза расширились от гнева – из-за вас с Аннибал «командирша» стащила передник, из-за вас же поставила ее среди столовой, – подвергла двум самым позорным наказаниям нашу подругу из-за вас, сиятельная графиня! Отвращение вы этакое, шпионка, доносчица, урод!

– Доносчица! Урод! – эхом отозвалась со своего конца стола Лиля Грибова и прыснула в тарелку.

Но я слышала теперь как сквозь сон весь этот рой нелестных для меня замечаний. Мои глаза помимо воли приковались к разгневанному личику Африканки, ловя ее взор. Мое расстроенное лицо повернутое в ее сторону, должно быть, смущенно выражало очень красноречиво всю мою невольную вину перед ней. Я хотела, если не словами, то всем своим видом убедить злосчастную дикарку, что я без вины виновата в ее несчастье. Но угрюмые глаза Риммы точно умышленно избегали встречи с моими. Девочка стояла неподвижная, как истукан, не обращая внимания на сыпавшиеся на нее сочувственные фразы со своих столов и столов «чужестранок», то есть воспитанниц других классов маленьких и больших. Тогда мгновенно счастливая мысль промелькнула в моем уме. Если я сделала неприятность Аннибал, я же должна и поправить дело. Надо только пойти к madame Роже, сейчас же не медля ни минуты и уверить ее в невинности наказанной ею Аннибал. И, не отдавая себе отчета в том, насколько уместен мой поступок я поспешно встала со своего места и, не обращая внимания на раздавшиеся за моей спиной насмешливые возгласы, стремительно подошла к первому столу третьего класса, за которым сидела на председательском месте madame Роже.

В следующую же минуту я говорила прерывистым, срывающимся от волнения голосом: – Madame Роже... Простите Аннибал, она не виновата... Ради Бога простите... Она не хотела причинить мне зла! Ради Бога... Умоляю вас!.. Я во всем сама виновата одна... Пожалуйста, madame Роже!

Сама того, не замечая я прижимала руки к груди и лицо мое красное от смущения должно быть выражало самую красноречивую просьбу. Madame Роже внимательным взглядом посмотрела мне в глаза и помедля минуту, проговорила по-французски:

– Дитя мое, у нас строго запрещается вставать из за стола до окончания обеда. Садитесь на свое место. А что, касается, Аннибал, то она наказана достаточно, и может идти к своему столу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.